

ДАРЬЯ
Литвинова

КРИК
НОЧНОЙ
ПТИЦЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Литвинова, Дарья Сергеевна.
Л64 Крик ночной птицы / Дарья Литвинова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с. — (Детективы Дарьи Литвиновой.
Реальные истории от следователя СК).

ISBN 978-5-04-245600-8

На окраине провинциального города обнаружено тело мертвого таксиста. Следы короткой схватки, удар ножом в шею. Выручка за смену и машина, старенький частный «Опель», достались налетчикам в качестве трофеев. С какой целью и куда отправятся бандиты на этом автомобиле, оперативникам остается только догадываться. Найти угнанную машину — полдела. Куда сложнее вычислить и обезвредить преступников, открывших этой ночью свой кровавый счет. Тем более что действовать, по всей вероятности, они собираются вопреки любой логике...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-245600-8

© Литвинова Д.С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Саша Минин никогда не хотел быть участковым, но в полиции был дефицит кадров именно на эту должность. Он заикнулся было, что хотел работать в дежурной части и что работа непосредственно с населением — это совершенно не его тема и желание; «Попозже», — ответили ему и приняли на работу участковым уполномоченным. Саша умел быстро реагировать, принимать решения и анализировать информацию, но абсолютно не ориентировался в тонкостях профессии участкового; наставником ему дали вечно находящегося на больничном майора Кротова, так что вся тяжесть работы обрушилась на новичка с первого дня. Он еще не успел выучить границы своего участка, как жалобы и заявления достигли критического уровня. Минину не с кого было брать пример, как фильтровать заявления, поэтому он рассматривал все подряд и за месяц устал больше, чем

за пять лет в учебке. Вот и сейчас, стоя в дежурной части и мечтая только о том, чтобы выспаться, он пытался отмазаться от заявления на выезд: проживающая в подъезде бабка разводит антисанитарию, не реагирует на замечания, из-за двери раздается невыносимая вонь, бегут тараканы, но достучаться до нее и вызвать на разговор невозможно.

— Ну антисанитария разве полицией рассматривается? — Надежда отвертеться угасала с каждой минутой. — Выйдет же она когда-то, вот соседи и пообщаются...

— Это уже шестая жалоба, — с досадой сказал Миронько. — Надо ехать, смотреть. Потом уже на нас начнут жаловаться, что не реагируем.

— Она же не открывает...

— Жаль, Хорина нет, — с ностальгией сказал Петриков. — Он бы уже дверь выломал.

Сотрудники согласно кивали. Участковый Хорин был местной легендой; он не боялся вообще ничего на свете, ненавидел нарушителей Уголовного кодекса и при этом был первым, кто преступал нормы Уголовно-процессуального. Разрешение на обыски, правила допроса, задержание в порядке ст. 91 УПК РФ — да плевать он на все хотел. Хорин мог засунуть подозреваемого в подвал своего дома и продержат там, пока

тот не начнет давать показания; заходил в дома без постановлений через окна; изымал все, что хотел, без протокола. С рук ему сходило далеко не все, участковый не вылезал из дисциплинарных взысканий, частенько давал объяснения в прокуратуре и Следственном комитете, но проработал до пенсии, на которую его с облегчением выпроводили день в день.

— Может, повторить его подвиг? — спросил капитан ППС, сдававший документы на регистрацию. — Выбьем ей дверь да посмотрим, что там. Бабка если живая, то уж точно больная.

— Но писать-то она умеет. Потом от жалоб устанем.

— Короче, Сашок, — принял решение Миронько. — Езжай и посмотри. И возьми кого-то, что ли.

После случая в Нижнем Новгороде, когда женщина несколько дней не хоронила труп дочери и жила с ее гробом в квартире, сотрудники не горели желанием в одиночку ездить на такие вызовы; Минин был совсем молодым участковым и еще стеснялся обращаться за помощью к кому бы то ни было, поэтому дежурный, сочувствующий новичкам, принял решение за него и немного приукрасил суть заявления. Через десять минут возле дежурной части уже сто-

ял хмурый «второй номер» из уголовного розыска Ян Краев.

— Мы вдвоем, без эксперта? — уточнил он у участкового. — Тогда поехали скорее. Все планы к черту... За следователем мы будем заезжать или он сам?

— Зачем за следователем?

Краев глянул на лейтенанта с недоумением.

— Там же криминал, мне дежурка сказала?

— Да пока неясно... — Врать Минин не умел. — Там вообще... не первая уже жалоба.

— Не первая жалоба, что криминал?

— Да нет... просто жалоба. Что в квартире непонятно что творится.

— А кто сказал, что там труп? — уточнил Краев.

Минин вздохнул и честно сказал:

— Никто. Просто воняет.

— Так а чего вы меня выдернули?

Работы в розыске всегда не то чтобы хватало — наваливалось через край; ехать узнавать, что случилось в квартире полоумной бабки, «потому что запах», было абсурдом.

— Я сам съезжу, — обреченно сказал Минин. — Извини, что отвлекли.

Краев внимательно посмотрел на лейтенанта. Он и сам был когда-то стажером, а Минина,

судя по всему, из-за нехватки кадров сунули работать на участок вообще без прохождения какой-либо практики. Время терять было очень жаль, но и долговязый участковый, с несчастным видом поправлявший под мышкой папочку с бумагами, вряд ли справился бы без помощи.

— Передашь своему начальству, с вас «палка», — буркнул Краев и пошел к машине. — Поехали, посмотрим, что за вонь.

Несмотря на свой отчасти благородный поступок, в машине оперуполномоченный отвел душу сначала на Миронько, а потом пожаловался своему непосредственному начальству: «Пусть посылают ППС, им все равно нехер делать!» — было самым мягким. Минин чувствовал себя очень неловко.

На месте возле «нехорошей двери» топтались двое бабушек-соседок и старший по дому, полный низенький мужчина, который отрекомендовался:

— Мезяковский. Главный.

От двери несло помойкой.

— Стучали? — спросил Краев.

Мезяковский кивнул.

— Не открывает.

— Но она дома, дома, — зачастила бабушка помоложе. — Она вот только зашла, мусор схватила и потащила домой!

— Давно она мусор таскает?

— Да года три уже, — поморщился «главный». — Мы как-то пытались ей помочь, почистить на добровольных началах, но она же не дает. Упала на свой мусор и верещит, не насильно же ее вытаскивать.

— А куда жалобы писали?

— Да везде. В Роспотребнадзор, в санэпидемстанцию... Они говорят, без согласия собственника зайти нельзя, а она не открывает. Сегодня снова вызвали, сейчас подъедут, а вот мы не знали, как открыть...

Минин был в растерянности. Он не сталкивался с такими случаями и не знал, что делать; без согласия жильца он не мог зайти в квартиру, а уж тем более не был полномочен заставить разрушительницу разгрести хлам. Краев тем временем с размаху ударил ногой по двери, так, что она затрещала:

— Полиция! На счет три ломаю дверь! — Бабушки-соседки испуганно охнули, «главный» сделал шаг назад. — Раз! Два!

Замок щелкнул.

— Хорошо, что не железная, — буркнул Краев и потянул на себя створку. Запах гниения, сырости, плесени, тухлятины ударил в нос; все поневоле закашлялись. — Ох, женщина... что ж вы так засрались...

На пороге двери стояла хозяйка квартиры: невысокая, изможденная, в плотном засаленном халате с пропалинами; она сложила руки на груди и независимо смотрела на визитеров. На полу валялись открытые консервные банки, завязанные и рваные мусорные пакеты, откуда торчали пищевые отходы; возле тумбочки, на которой громоздились вперемешку пустые бутылки, использованные памперсы, коробки из-под пирожных, лежала груда обглоданных костей. На стенах плесень и грибок. Минин увидел белые личинки в одном из пакетов, и его передернуло.

— Здравствуйте, — сказал Краев, — жалоба вот на вас. Вы зачем квартиру загадили?

— Где — загадила? — спокойно удивилась женщина, поправляя халат. — У меня нормально все.

— А окошко на время беседы можно открыть?

— Нет. Окна законопачены, я болею.

— Вы зачем с мусорки хлам тягаете?

— Где вы хлам увидели? — недовольно спросила хозяйка квартиры. — Это мне нужно все.

Личинка выползла из пакета с отходами, соскользнула, шлепнулась вниз. Минин выдохнул. Позади хозяйки громоздились такие же горы пакетов, оставляя узкий проход.

— Ну понятно, — сказал Краев. — Одна живете?

— А какая вам разница?

— Тут надо санэпидстанцию, чтоб административку составили, — обернулся оперуполномоченный к Минину, — за нарушение санитарных требований. Вы тут новую эпидемию растите, женщина! Сейчас начнем вас штрафовать.

— За что меня штрафовать?!

— За бардак! Что вы тут развели? А ну-ка, дайте заглянуть. — Краев шагнул в квартиру, переступая через мусор, прошел по коридорчику, глянул комнаты. — Там этого дерьма терриконы, — брезгливо сказал он, возвращаясь. — Короче, пока открыто, ждите службы, пусть протоколы составляют. Женщина, не прекратите хлам таскать, вас выселят!

— Да за что ж меня выселять?!

— За вонь, за тараканов.

— Да у всех тараканы! Что ж, только у меня тараканы?! У меня чисто дома! А вы обувь даже не сняли! Вот кого штрафовать надо!

— И психушку набрать хорошо бы, — резюмировал Краев. — Идем. Это не наша компетенция.

Когда, вернувшись, Минин зашел в свой кабинет, его коллега отбирал объяснение у женщины средних лет; суть была в том, что неустановленные лица предложили ей оформить беспроцентный заем на год по акции, чтобы привлечь внимание к их банку, и пообещали перечислить пятьдесят тысяч на карту в течение дня, а наличными дали пять тысяч прямо на месте. Разумеется, женщина согласилась.

— А выяснилось, что я взяла два кредита, — дрожащими губами говорила она. — Там не было написано, про эти кредиты. А теперь у меня долг больше трехсот тысяч и они квартиру хотят отобрать...

— Квартиру не отберут, — «успокоил» Голиков. — Не имеют права.

— У меня дача есть еще, они о даче знают...

— Вот дачу отберут.

— Да как же так?! — с рыданием воскликнула женщина. — Я же не брала никаких кредитов! А у меня теперь и денег нет, и долги!

— Ну внимательнее же надо быть...

Отобрав заявление и пообещав разобраться, Голиков проводил посетительницу, закрыл за ней дверь:

— Господи, когда они умнее станут! Перед этой двое были, по телефону их на бабки развели, сняли у одного сто пятьдесят, у другого триста тысяч с карты, просто вот за три минуты кто-то на полмиллиона богаче! Пора работу менять.

— Ты заявления принял?

— Конечно, принял. Олегович будет в восторге.

— Как бы опять суицидники не пошли...

— Да сплюнь, — ужаснулся Голиков. — Я всем обещаю незамедлительное раскрытие, чуть ли ни всем РОВД сейчас искать кинемся.

Полгода назад в отдел полиции соседнего района обратилась пожилая женщина, которую таким же мошенническим путем «развели» по телефону на крупную сумму денег. Она была очень скромной, неуверенной и не скандальной, и принимавший заявление сотрудник прямо сказал, что шансы поймать преступников нулевые, попрощайтесь с деньгами и идите с миром. Женщина вернулась домой, написала подробную записку и повесилась. На сотруд-

ника едва не завели уголовное дело, поскольку кто-то из родственников покойной оказался журналистом и поднял на уши всю прессу, а по резонансным происшествиям нужны показательные меры реагирования. Дело не возбудили, но из полиции поперли.

— Правильно... лучше перестраховаться. Ты материал относить? — Минин дописал рапорт, расписался. — Не захватишь?

— Что там?

— Ложный вызов. Бабка захлामीла квартиру мусором, вонь на весь дом.

— Ничего себе «ложный», — фыркнул Голиков. — У меня жила одна такая в подъезде, лет десять назад. Ходить невозможно было, мусор из окон лез.

— И как справились? — любопытствовал Минин. — Штрафовали?

— Да нет. Грохнули ее возле мусорки, когда она хлам набирала. А квартиру государство забрало и почистило за свой счет.

Голиков ушел, оставив участкового с широко открытыми от изумления глазами.

Надя Мохова проверила содержимое своего планшета: бланки протоколов, объяснений, чистые листы, запасные ручки; она пришла

в полицию недавно и все время боялась что-то забыть.

Сегодня предстоял рейд по неблагополучным семьям, она — первый раз от отдела по делам несовершеннолетних, вместе со специалистом по социальной работе. Надя очень переживала. На практике она пару раз выезжала с сотрудниками, но самой разговаривать с членами состоящих на учете семей ей не приходилось. Вот сегодня шесть адресов, с каждым нужно будет пообщаться, каждую семью проверить. Девушка понимала, что будет не одна, но ей казалось, что основную нагрузку все же несет именно она, как представитель власти.

— Не бойсь, — хмыкнул ее коллега Сушин, увидев, как она четвертый раз проверяет планшет. — Главное, чтобы не побили.

— В каком смысле?!

— Ну в каком. Детки разные бывают. Меня и за ногу кусали, и шваброй давали по спине. Они же отмороженные.

У Моховой опустились руки.

— Успокойся! — уже в голос заржал Сушин. — Если что, становись за баб из администрации, там об половину швабра поломается. Я глупый был, не знал, что так можно.

— Почему они дерутся? Вы провоцировали их?

— Конечно, провоцировали. Прямо с порога: заходишь, видишь, что родители в хлам, у детей есть нечего, все в синяках; говоришь: «Вы выводы не сделали, детей забираем в приют». Чем не провокация?

— Так а дети зачем дерутся-то? — не могла понять Надя.

— Потому что, Надежда, детям в самой поганой семье лучше, чем в приюте. Запомни и не обижайся, когда они тебя на хер посылать начнут, если ты их изымать вздумаешь.

В тревожном настроении Мохова вышла из отдела, села в машину, на которой планировалось проводить рейд; заехали в администрацию, забрали сотрудника отдела по опеке и попечительству, высокую суровую женщину в очках.

— Участковый не едет с нами? — не здороваясь, спросила она. Мохова неуверенно покачала головой. — Я представление напишу на отдел. Совсем обленились.

Надя понятия не имела, что нужно отвечать, поэтому сидела тихонько. На маршруте к ним присоединился паренек из городского управления по делам молодежи; судя по его виду, он тоже

был новеньким и сидел помалкивая. Адреса для посещения назвала водителю сотрудница опеки.

Первый адрес — пятиэтажка, квартира на третьем. Никто не открывает. Рапорт о выходе на адрес; сотрудница опеки по фамилии Кийко пишет свою справку. Второй адрес — малосемейка, половина дома принадлежит гражданке Гуровой, состоящей на учете. Мать открыла дверь — с утра в хорошем подпитии, на руках маленький чумазый ребенок.

— А?

— Гурова, опять пьяная?

— Ну есть такое. А что?

Агрессии нет, гражданка Гурова улыбается, дети все как один грязные, но довольные. В доме захламлено, но в холодильнике есть еда, а на столе — фрукты.

— Ну когда ты за голову возьмешься, Гурова? — спрашивает Кийко. — Когда пить перестанешь?

— Перестану, — кивает Гурова.

— Сколько раз обещаешь!

— Это последний.

Дети без синяков, без царапин, без соплей, выглядят сытыми, двое, потеряв интерес к коммиссии, полезли за стол и начали мирно рисовать карандашами. Формально претензий нет.

— Кончай пить, Гурова, я тебя прошу! — Кий-ко дает подписывать матери объяснение, та размашисто ставит подпись, не глядя. — С учета пора сниматься!

— Пора, — соглашается Гурова.

Комиссия уходит с противоречивыми чувствами.

Следующий дом — семья в группе риска, в социально опасном положении. Надя Мохова зашла в открытую дверь первая, поздоровалась; в комнате, куда вел проход, сидели подросток и маленькая девочка, вся заплаканная.

— А мама ваша где? — спросила Мохова. — Вы одни дома?

— Бабка спит. — Подросток указал подбородком на ворох тряпья и одеял на диване. — Мама еще вчера ушла.

— Как тебя зовут?

— Герлецкий. Женя.

— А тебя? — обратилась Надя к девочке. Та помотала головой.

— Тася. Она не говорит.

— Почему не говорит?

— Потому что мама — алкоголик, — резко сказала сотрудница опеки. — Вы что же, описание семьи не читаете? Евгений, у вас есть еда?

Подросток безучастно пожал плечами.

— Я дома не ем.

— Холодильник покажи мне.

В неработающем холодильнике не оказалось ничего, кроме полупустой банки горошка и двух плавленных сырков; парень из управления по делам молодежи открыл морозилку и обнаружил две баклажки пива.

— Мать пьет?

Герлецкий посмотрел на него равнодушно и промолчал. Сотрудница опеки подошла к девочке, та шарахнулась от нее, спряталась за стул.

— Таисия, дай-ка посмотрю тебя? Дай поздоровуюсь?

— Жень, а ты почему в школу не ходишь? — спросил парень из управления. — Вот, учителя пишут, много пропусков...

— Пойду, — безразлично сказал Жень. — Потом.

— Так скоро уже каникулы!

— Значит, не пойду.

Добиться чего-то было сложно, как и растолкать пьяную бабу; сотрудница опеки оставила предписание, Мохова отобрала объяснение насчет последнего административного протокола, составленного на парня, и они покинули дом. Следом за ними вышел и Жень, скользнул в другую сторону и быстро, почти бегом пропустил

по проулку. Через несколько домов жили еще двое пареньков, к семьям которых также проявляла внимание опека: шестнадцатилетний Жора Филин и четырнадцатилетний Марк Марков; они приятельствовали, надо было предупредить. Филина Герлецкий поймал прямо у калитки:

— Щас ПДН подъедет, только что от меня.

— Валим, мои пьяные в хлам. — Жора, пригнувшись, побежал за угол дома, приятель — следом; они повернули в сторону тупика, где в самом конце улицы жил Марков со своей матерью-инвалидом. Марк был самым, если можно так выразиться, благополучным из троицы: он не пил, не пробовал наркотики, всегда ночевал дома и неплохо учился во вспомогательной коррекционной школе; на него был составлен всего административный протокол. Но из-за постоянных приступов эпилепсии у матери, отсутствия родственников, которые могли бы о нем заботиться, а также дохода ниже прожиточного уровня его семья также входила в группу СОП. Когда-то Филин заступился за Марка в драке, после чего тот прибил к двум друзьям, соглашался выполнять мелкие поручения и давал ночевать у себя, если у тех дома были скандалы или пьяные дебоши.

Марк наливал во дворе воду собаке. У него был унылый вид. Матери опять стало плохо, она

упала и ударилась головой об угол стола, после чего уже второй день лежала и не вставала. Деньги закончились еще на прошлой неделе.

— Эмка! — позвал Филин через низенький забор. — Бросай ведро, комиссия едет.

Марков посмотрел на него угрюмо.

— Да пусть уже едет. Хуже не будет. Мать лежит, жрать нечего.

— Жрать найдем! А сдадут тебя в соцприют, вот начнется у тебя там жизнь, сортиры по ночам мыть, мыло хавать! Этого хочешь?

— Нет.

— Тогда валим.

Трое подростков крадучись выскользнули через веранду и ушли огородами. В это время Мохова безуспешно пыталась вразумить родителей Филина.

— На вашего ребенка составлено три протокола только за этот месяц! Вы понимаете меня? Где сейчас Георгий, вы знаете?

— На хер он нужен! — плюнул папаша, сидящий за столом. — Когда он уже в армию?

— Да он быстрее сядет, чем в армию пойдет!

— Ну и хорошо, с шеи слезет.

— Ну че ты говоришь такое, — упрекнула мать Жоры, старающаяся делать вид, что трезвая. — Сын твой все-таки. Он в комнате у себя!